

НА КОТОРОЙ СТОИМ

случайный прохожий». И он очень резко высказывался по тому, как ведутся мелиоративные работы в ряде мест. Это письмо высокого нравственного звучания.

— С землей надо обращаться бережно, осторожно. Хорошее дело мелиорация, однако стоит ли превращать ее в отрасль чисто технической, во всемогущее дитя НТР? Иные рассуждают так: достаточно пригнать столько-то экскаваторов, столько-то бульдозеров, и, глядясь, на месте бывшего болота уже золотая нива. А на поверку все выходит не так-то просто, ибо мелиорация наука столько же земледельческая, сколько и географическая. Всякое улучшение должно поддерживаться, но не надо делать ничего лишнего. Надо присматриваться к самой природе, к ее структуре, подталкивать ее собственные процессы, не идти наперекор. А главное — изучать накопленный опыт, взять хотя бы Жилинского, одного из крупнейших мелиораторов прошлого. Заметив ложбинку в заболоченной местности, он бережно ее расчищал, чтобы вода потихоньку стекала. И таким вот образом он сумел осушить около 350 тысяч десятин в Барабинской степи. Он содействовал природе. И она отплатилась ему. Вот это ощущение, что мы помощники земли, не должно покидать каждого, так же как и чувство ее красоты.

Красота... Когда видишь красивое поле, красивое здание, красивую машину, глаз радуется. Создать красоту — искусство немалое. Раньше, к примеру, строительное дело называлось строительным искусством, я, помнится, изучал его основы. Так зачем было от этого отказываться? Интуиция, вдохновение здесь нужны не менее, чем в поэзии. Вот пример. В Средней Азии, чтобы сделать канал, надо очень точно знать уклоны местности. Как же ухитрились древние искусники обходиться при этом без точных нынешних инструментов? А вот как. Они ложились на спину и по приливу крови к голове чувствовали: вклон! Этому поразительному умению воспринимали с детства, оно передавалось по наследству. А в результате — абсолютно точно проложенные каналы. Мы должны больше одаухотворять профессии земледельца, строителя, создателя. Нельзя делать человека придатком техники, пусть даже и всемогущей. Однако при

всем своем всемогуществе техника не дает возможности точного выбора цели, точного выбора объекта, точного направления ее использования. Тут должна быть подключена какая-то другая деятельность: человеческого мозга, человеческой души. Никакая техника не даст совет земледельцу, правильно ли он поступает, расширяя планы мелиорации: столько-то осушить, столько-то оросить. А вот интуиция, опыт и чувство меры должны подсказать. Мелиорация, осушение, оводнение — мероприятия очень дорогие, затраты тут до тысячи рублей на гектар. При высокой культуре земледелия подобные затраты оправданы. А бывает и так, что почву мы обрабатываем несовременно, удобрений даем мало, плодям сорняки. И на этом фоне вводим дорогостоящее орошение. Это приблизительно то же самое, что на гоночной прекрасной машине грести по плохой дороге. Далеко ведь не уедем. Мы не только не получим пользы, но нанесем вред. Потому что, если на орошаемом участке вперемежку культурные растения и сорняки, то сорняк, будучи жизнеспособнее, заберет большую часть влаги, заглушит все остальное. И тогда все загарты впустую... Однако и на чистых от сорняков полях нужно при орошении великое искусство.

— «Земля — наше ценнейшее богатство, но это богатство надо уметь использовать», — сказал товарищ Л. И. Брежнев на сессии Верховного Совета СССР, утвердившей Основной Закон Союза Советских Социалистических Республик. — Как говорится, труженнику земля — мать, а подарю мечаль.

Эта народная мудрость отражена и в строгих строках нашей новой Конституции: «Колхозы, как и другие земледельческие организации эффективно использовать землю, бережно относиться к ней, повышать ее плодородие». Знаменательно, что такую редакцию статьи 12 предложил хлебороб — дважды Герой Социалистического Труда А. В. Гиталов. Но подписаться под ней с полным правом мог и садовник, и ученый, и общественный деятель.

— Я думаю, вы понимаете, насколько сложно, прекрасно, опасно, ответственно — возделывать землю. В одном из своих первых романов, в «Тропах Алтая», я пытался начать такой разговор, но у ме-

ня тогда был опыт не очень значительный, и рассуждения получились, может быть, немножко умозрительными.

А вообще, конечно, мы любим природу, я не хочу сказать, что наша литература проходит мимо этой темы, наоборот. Она в этом смысле очень боевая, в ней много интересного. Но, вы знаете, в ней нередко много вздохов, когда нужны пояснения, пояснения опять-таки не сухие, не с линейкой логарифмической, а живые, воздействующие на воображение, выявляющие наши кровные связи с этим миром, с этим тоненьким слоем почвы, на котором все существует.

Литература, как и школа, должна воспитывать природолюбческое мировоззрение. Я бы занятый в школе начинал с уроков естествознания, биологии. Можно на «отлично» вызвать систематику растений и животных, ботанику и зоологию и остаться глупым к природе. Я бы вел смешанные уроки русской художественной литературы и природоведения, чтобы одно другое подкрепляло. Прочитать отрывок из Толстого, Тургенева, Бундина — и сразу же начать разговор о земле розной, почве — и тогда родится цельное впечатление, прокунутся в душе ростки любви, добра, ответственности за все живое. Да, за жизнь, которая неделима на биологию, зоологию, литературу, эстетику, и в этой неделимости, цельности — весь ее сокровенный смысл.

— У нас в народе очень обостренное чувство сохранения исконных национальных богатств: часто приходят письма от людей о том, что уничтожается почва, неоправданно выкорчевывается кустарник, вырубается сад, а ничего нового не насаждается. Первые дозорные беды часто молодые ребята.

В начале нынешнего года в «Комсомольской правде» было напечатано письмо биолога К. Багаева из Кировской области. Он писал: «Случается: за оклицей — прекрасный лес, а пройдешься по поселку — ни кустика не встретишь, ни прутника». На письмо пришел деловой ответ от комсомольцев Всесоюзного ударного отряда имени 60-летия ВЛКСМ. Ребята ошили заложить в поселке Радужный, где дислоцируется отряд, парк и назвать его «60 лет ВЛКСМ». Значит, мы готовы к борьбе за защиту нашей земли. Хотя некоторые молодые пи-

сатели, к которым мы обращались по конкретному поводу, почему-то уходят в сторону. То ли от малости знаний, то ли от того, что они заняты глобальными проблемами. А ведь это и есть служение обществу — помочь обустроить землю.

— Между прочим, здесь сказывается наш размахистый характер, а дескать, это мелочь, какие-то травки-кустики и так далее. Хотя все зависит от конкретного человека. Один мой знакомый писатель живет в Латвии, он возглавлял движение в своей республике: описать всех дубов. Он со школьниками занесли в книгу все дубы, все выяли на учет. В Литве тоже проводится большая работа. То есть там, где все можно охватить взглядом, где за день просидеть из края в край своей земли, это воспринимать легче. Необязательность же хотя и дает ощущение простора, в чем-то приглушает интерес к частностям, к отдельным деталям пейзажа, явления. Ничего не поделаешь, такая уж диалектика.

Надо воспитывать в себе чувство обостренности родной земли, чтобы, как в «Страшной мести» у Гоголя, «вдруг стало видно далеко во все концы света». Чтобы стала тебе заметна любая травинка, любое дерево, любой человек. В Сибири, на Украине. По всей стране. Надо обрести угол зрения наших космонавтов, чья деятельность, кстати, плодотворно влияет на защиту родной природы.

— Более десяти лет назад «Комсомольская правда» рассказала об Афанасии Трофимовиче Бутенко, человеке, оставившем гору. Чтобы предотвратить гибельную эрозию, вместе с односельчанами он много лет высаживал на склонах горы саженцы. Тысячи деревьев шумя нынче на горе Калитве, что в Днепровско-донецкой области.

Каждый год тонны и тонны почвы уносятся за собой воды и ветер, тысячи гектаров теряют свою силу, плодородие. Нужна гигантская, кропотливая, часто рутинная работа, чтобы остановить это разрушение. Нынешней весной учащиеся многих сельских автобеских школ ошили помочь земледельцам очистить поля от камней.

Как повзвистки действовать молодым людям, готовым к природоохранной, почвозащитной работе?

— Пляндарм действий, так сказать, давно уже известен: береги леса, насаж-

дай сады, не загрязняй почву. Защищая природу, не отступай перед трудностями, добиваясь практического решения проблем. Главное здесь — увидеть плоды своего труда, это я по себе хорошо знаю. Я, например, испытываю радость при мысли о том, что в свое время я был среди тех, кому ценой невероятных усилий удалось пристроить строительство Нижнеобской ГЭС. Тем самым мы предотвратили затопление Западно-Сибирской низменности, территории, равной нескольким государствам. Полтора года жизни положил я на это дело. Переворочил сотни документов, снял тысячи (именно тысячи!) копий, ездил в разные города к специалистам. Иногда опускались руки, казалось, все кончится безрезультатно. А когда все же удалось привести дело к благополучному — для природы — концу, почувствовал удовлетворение не меньшее, чем от литературной работы.

Тут, конечно, важно выступать общими усилиями, учиться быть рачительным хозяином. Никто не спорит: лес надо рубить. Но надо заботиться и о восполнении кладовых. Все дело в том, не что делать, а как делать. И как восполнять. Ну почему, скажем, при каждой школе нельзя создать свой маленький лесозащиток?

— Садовые участки, аллеи классов, парки дружки...

— Правильно! Пусть каждый выпускник школы, техникума, профессионально-технического училища посадит хотя бы дерево. Уверен: сам по себе этот факт будет удерживать его от дурных поступков, останется в памяти на всю жизнь...

— В петровские времена опосителі земель именовались писцами, дозорщиками, описчиками. Я думаю, Ваша судьба, Сергей Павлович, счастлива ложится в эти слова. Вы и описчик (судьбы народной), и дозорщик (сколько Вас знаю, стоите в дозоре родной природы), и писец (писатель). Кстати, исполняется 300 лет со дня завершения работы по выпуску земельных наказов и 200 лет со дня основания Института инженеров землеустройства. По-видимому, нам следовало бы подумать о праздниках ученых-землеведов, о более широком праздновании трудовых исторических юбилеев.

— Да, нам есть что вспомнить, есть чем гордиться. У нас, например, в Сибири алтайское землеустройство истари

почиталось образцовым. И межковые работы были повсеместно на должной высоте. А чего стоят сельскохозяйственные достижения трудового казачества — тех, что возвел Иртышскую, Ишимскую линии. С возникновением этих линий появились сельскохозяйственные хутора, опытные поля, проводилась целенаправленная селекция культур. Омские старожилы еще помнят, как на месте казачьего хутора возник сначала сельхозтехникум, затем Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, один из крупнейших в стране. Оттуда вышел, например, известнейший ученый академик Цицин.

Я когда-то начинала писать работу по истории мелиорации в России. Но потом романы перебились это дело. Но кой-каких интересных сведений я поднабрался. К примеру, немногие знают, что русская сельскохозяйственная наука никогда не была фермерской. На фоне мелкого, мало-мощного хозяйства ей не было точек приложения. Негде ей было развернуться в частном маленьком хозяйстве на трех-четыре десятинах. Что она могла мужику малоземельному рекомендовать, какие делать выводы? Но в то же самое время пространства были огромные, и она, сельскохозяйственная наука, сразу ухлила на географию, на пространства. Вот почему в России появился Вернадский. Вот откуда такие мыслители, как Воейков, которого ныне в обиходе, к сожалению, редко вспоминают. А ведь ученый-то был поразительный. В те времена никакой метеорологической службы не было и в помине. А он проехал по Японии и описал ее климат. По наклону крыш определял силу ветров, количество осадков. Затем описал климат Северной Америки. Классический труд. Он был питомцем той самой отечественной школы, что дала мировой науке не фермерский, а мировоззренческий взгляд на природу. А о сегодняшних мастерах земледелия, ученых тоже много можно сказать.

— Сергей Павлович, а своих будущих произведений Вы как-то предполагаете затрагивать эту тему?

— Вы могли заметить: у меня мой любимый герой — это герой, в общем-то, всегда связанный с природой. В «Комиссии» это достаточно ярко выражено. Сейчас пишу роман о временах изпо, где герой — человек сложный, запутанный судьбы. Это было драматическое время, когда рождалась новая Россия. Его раздумья обращены к философии природы, натуре. Так что тема эта постоянна. Ее хватит на нас всех — и описчиков, и дозорщиков, и писцов.